

таджиков товарных отношений, а приданое возникает именно в период разложения патриархальной семьи, при выделении малых индивидуальных семей. Эволюция института калыма у таджиков отражает степень сохранения пережитков патриархального уклада у населения горных и равнинных районов. Таким образом, наличие калыма и его роль в семейных отношениях у того или иного народа до некоторой степени способствуют выявлению большей или меньшей сохранности патриархально-родовых отношений. Однако в рецензируемой работе недостаточно проведен анализ причин, содействовавших бытованию калыма (в денежном его выражении) в последующее за отмиранием большой патриархальной семьи время.

В главе «Анализ свадебной обрядности» нам представляется удачным объяснение Н. А. Кисляковым различных пережитков «умыкания» невесты не остатками этой формы заключения брака, а изменением места поселения супругов. У таджиков, особенно у горных, были распространены ортокузенные браки (заключавшиеся между детьми двух братьев), однако автор не говорит о свадебных обрядах при таком браке, когда будущие супруги жили в одной большой патриархальной семье. Каков был размер калыма и платили ли его вообще в таких случаях?

Приходится пожалеть, что автор уделил мало внимания советской таджикской семье и тем изменениям, которые происходили в ней в процессе ее становления. Задачей автора, как свидетельствует заглавие книги, было показать семью и брак у таджиков на определенном историческом отрезке времени: конец XIX — начало XX в., однако, если уж автор в заключении останавливается на современной таджикской семье, он должен был бы уделить ей больше внимания и использовать больше конкретного материала, которым он, вне всякого сомнения, владеет.

В свете задач, поставленных XXI съездом партии перед учеными, работающими в области общественных наук, особое значение имеет глубокое изучение «закономерности перехода к коммунизму»². Семья — один из важнейших социальных коллективов. Изучение современной семьи должно базироваться на глубоких исследованиях процессов развития быта изучаемого народа на протяжении достаточно длительных исторических отрезков времени. Все это объясняет тот интерес, который вызывает рецензируемая работа у этнографов, занимающихся вопросами изучения семьи и семейного быта, а также у юристов, историков. Следует пожелать появления подобных же серьезных и глубоких исследований, посвященных истории развития семьи и брака у других народов СССР.

Л. Моногарова

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Andrew Sharp. *Ancient voyagers in the Pacific*. Penguin books. London, 1957, 240 стр.

Проблема заселения островов Полинезии широко обсуждается в последние годы. Теория, согласно которой предки полинезийцев прибыли из Юго-Восточной Азии и заселили новые острова и архипелаги в результате смелых плаваний, подвергается нападкам с разных сторон. Еще не успели утихнуть страсти, вызванные неудачной попыткой Т. Хейердала возродить гипотезу американского происхождения полинезийцев, как начались споры вокруг книги Э. Шарпа «Древние мореплаватели в Тихом океане».

Новозеландский ученый Эндрю Шарп решительно отвергает гипотезу американского происхождения полинезийцев (стр. 85—90). Он считает, что предки полинезийцев прибыли из Юго-Восточной Азии. Шарп выступает, далее, против неубедительной гипотезы северного пути продвижения полинезийцев из Юго-Восточной Азии (через Микронезию), и это нельзя не поставить ему в заслугу. Он утверждает, что главным был южный путь (через Меланезию) и что первыми были заселены острова Самоа и Тонга (стр. 95). Действительно, теория южного пути является наиболее обоснованной¹. Таким образом, в вопросе о прародине полинезийцев и главном пути их проникновения в Полинезию Шарп стоит на прочных позициях.

Но Шарп поднимает новый вопрос: каким образом, в результате преднамеренных или, наоборот, случайных плаваний заселена Полинезия? Он ставит себе целью доказать (и этому посвящена его книга), что острова заселены случайно, помимо воли самих переселенцев: ветры уносили отдельные лодки, сбившиеся с курса, далеко в океан; мореплаватели, оставшиеся в живых, попадали на необитаемые острова, и от них-то и происходит современное полинезийское население.

Теорию случайного заселения Полинезии Шарп называет «теорией Кука». Первая глава его книги так и называется «Забятая теория капитана Кука». Одно это уже

² «Внеочередной съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», М., 1959, стр. 442—443.

¹ См. С. А. Токарев, Предисловие к кн.: Те Ранги Хироа (П. Бак), Мореплаватели солнечного восхода, М., 1950, стр. 13—15.

вызывает возражения. Правда, Кук, упомянув о случайном плавании полинезийцев на расстояние более 1000 миль, заметил мимоходом, что это может объяснить, каким образом были заселены удаленные от материков острова. При этом, однако, как отмечает сам Шарп (стр. 29), Кук допускал возможность и преднамеренных плаваний. Таким образом, связывать теорию случайного заселения Полинезии с именем Кука нет оснований.

Точка зрения Шарпа резко противоречит общепринятому взгляду на полинезийцев как замечательных мореплавателей, которые предпринимали целые экспедиции с целью заселения новых островов и архипелагов, прокладывая курс по звездам и учитывая течения и ветры. Недаром маорийский ученый Пеи Те Хуринуи Джонс обвинил Эндрию Шарпа в том, что он «поставил перед собой задачу дискредитировать достижения наших полинезийских предков»². Австралийский ученый Элькин, напротив, высоко оценил книгу Шарпа³.

Шарп стремится принизить мореходное искусство древних полинезийцев. Между тем известно, что у гавайцев имелся прибор для определения координат по Полярной звезде. В полинезийских преданиях говорится о знатоках ветров и течений. Предания сообщают о преднамеренных плаваниях, иногда целыми флотилиями лодок (как, например, при заселении Новой Зеландии в середине XIV в.). При этом приводятся имена вождей, сидевших в лодках, имена рулевых и даже названия весел. Эти предания с большой любовью и тщательностью изучены маорийским ученым Те Ранги Хироа. На основании их Те Ранги Хироа пришел к выводу, что «первые поселенцы намеренно отправлялись в плавание» и что «период особенно активной колонизации, по-видимому, продолжался с XII по XIV в.»⁴. К концу XIV в. Полинезия была в основном заселена.

Шарп не верит преданиям на том основании, что в них имеются противоречия и даже мифические мотивы (переселенцы прибыли на спине кита и т. п.), что в них внесены новые мотивы после прибытия в Полинезию европейцев. Действительно, предания имеют эти «недостатки», но потому они и называются преданиями, а не научными трудами. Отрицая историческую ценность преданий, Шарп поступает неправильно.

Не будучи в состоянии привести прямые аргументы в пользу своей точки зрения, Шарп основное внимание обращает на негативную сторону дела, пытается опровергнуть теорию преднамеренного заселения Полинезии. При этом он задает множество вопросов, на которые требует немедленного ответа от сторонников этой теории. Так, он спрашивает, почему не было дальних преднамеренных плаваний полинезийцев во времена Кука? (стр. 41, 128). Ответ ясен: Полинезия была уже заселена, и дальнейшие плавания с целью заселения необитаемых островов (а других целей не было и не могло быть) прекратились. Далее Шарп требует ответа на такие вопросы: «как был определен курс, как были преодолены плохая видимость и бури, как были учтены сносы ветром и течением, как они (переселенцы.— Н. Б.) определили расстояние, как они вскружились обратно на свои маленькие острова» (стр. 46). К сожалению, наука еще не на все вопросы может точно ответить, и такт ученого должен был подсказать это Шарпу. Но маорийские предания сообщают, например, о том, что Хотуроа, вождь на лодке Таиуи, хорошо знал морские течения и умел прокладывать путь, ориентируясь по звездам. Шарп, конечно, прав в том, что ошибка в полградуса при определении местонахождения по звездам — это ошибка в 34,5 мили на поверхности океана (стр. 45). Далеко не все полинезийские мореплаватели достигли поэтому желанной цели. «Многих таких же мужественных моряков,— писал Те Ранги Хироа,— звезды завели лишь в пустынные моря, на дне которых они обрели покой после безуспешных странствований. Если бы сбылась легенда о том, что море возвратит свои жертвы, сколько полинезийских моряков вышло бы из морских глубин на зов раковины-трубы, чтобы принять участие в последней переключке! Велико число отважных мореходов, державших на смелые подвиги, но так и не достигших земли»⁵. Шарп спрашивает далее, почему не были заселены полинезийцами Экваториальные острова, северные Токелау и т. д.? Почему не было кумары на Самоа и Куковых островах, свиньи — на Новой Зеландии, Мангаиа, Аитутаки, Мангареве и острове Пасхи, собаки — на Маркизских островах? Почему письмо было только на острове Пасхи, а криволинейный орнамент — только на Новой Зеландии? Почему так велики различия в культуре между Западной и Восточной Полинезией и так малы между Гавайями и Новой Зеландией, с одной стороны, и Восточной Полинезией,— с другой?

«Все эти факты,— пишет Шарп,— можно истолковать как результат медленного развития жителей после случайного заселения» (стр. 142). Поясним точку зрения Шарпа на конкретном примере. По его мнению, каменные статуи на острове Пасхи — результат того, что остров мал по площади. Будучи случайно заселен, он не имел связи с другими островами. Отсутствие вражды с соседями вело к изобилию свобод-

² Pei Te Hurinui Jones, A Maori comment on Andrew Sharp's «Ancient voyagers in the Pacific», «The Journal of the Polynesian Society», 1957, № 1, стр. 131.

³ См. «Oceania», 1958, № 2, стр. 169—170.

⁴ Те Ранги Хироа, Указ. раб., стр. 71, 97.

⁵ Там же, стр. 98.

ного времени, что, при наличии туфа, вело в свою очередь к изготовлению статуй (стр. 191). Шарп не обращает внимания даже на тот факт, что войны на острове Пасхи были не реже, чем на других островах Полинезии. Далее, остров мог оказаться в изоляции и после преднамеренного заселения. Столь же неубедительно и произвольно решает Шарп другие сложные вопросы полинезийской этнографии.

Само понятие «случайное плавание» Шарп толкует слишком широко. Плавание вождя, изгнанного с родины и отправившегося на поиски новых земель, он почему-то называет «случайным». Упомянув о том, как несколько каролинцев, занесенных на Маршалловы острова, решили вернуться домой, и попали на остров Нукуоро (в южном углу Каролинского архипелага), Шарп пишет: «Это, очевидно, лишь немногим больше, чем случайное путешествие в обратном направлении, но отнюдь не преднамеренное плавание» (стр. 53). Почему? Люди поплыли на родину и добрались туда. Это, разумеется, плавание преднамеренное.

Конечно, труд Шарпа будит мысль, заставляет думать. Но его теория случайного заселения Полинезии не выдерживает критики.

Н. А. Бутинов
